

И стали они жить-поживать

Как спасти царевну

Светлана Багдерина

1

Пошла как-то раз красна девица Серафима-царевна погулять по дворцовому саду. Налетело откуда ни возьмись редкое вымирающее животное Горыныч-Змей, подхватило сердешную и унесло, не оставив адреса. Вскочил тут супруг ее безутешный Иван-царевич на говорящий ковер-самолет с не менее говорящим именем Масдай и кинулся в погоню, поклявшись и пальцем не шевельнуть в защиту, если супруга его юная успеет наложить на злосчастную рептилию руки раньше, чем он...

Но, увы, не все бывает так просто, как описывают старые истории, и банальное дело о киднеппинге с применением подручных зоологических средств — следите за руками! — превращается... превращается... превращается...

Светлана Багдерина

Как спасти царевну

*Одна голова хорошо,
да жестко спать.*

**Шарлемань
Семнадцатый**

— Ио-о-о-о-о-о-он!!!!.. — крик Елены Прекрасной, полный невыразимой тоски, разнесся по коридорам дворца.

Она не просто кричала, она взывала — к справедливости, к своим стеллийским богам, к мирозданию — ко всем, кто готов был оторваться на минутку от дел и изъявил бы желание выслушать ее излияния. Хоть и адресованы они были вполне конкретному лицу.

— Ио-о-о-о-о-о-о-он!!!!..

Иванушка остановился, как будто налетев на стеклянную стену, бросил плащи, развернулся и побежал на крик.

— Что случилось, Елена? С тобой все в порядке?... А где Серафима?

— Ион, — с видом миссионера, полным готового взорваться благотерпения, в тридцатидвухтысячный раз объясняющего непонятливым аборигенам элементарный постулат веры, проговорила она. — Ион, я, конечно, вовсе не

хочу показаться придирчивой или занудной, и еще меньше — ябедой, но не считаешь ли ты, что всему есть свои пределы? На той неделе царица Серафима побила возчика его же собственным кнутом...

— Он дурно обращался со своим волком!

— ...в эти выходные она обыграла в карты всю смену дворцового караула...

— Она отдала им деньги обратно!

— ...вчера она выиграла соревнования по стрельбе из лука...

— Молодец, я не знал!

— ИОН!!! Дело не в том, молодец она или нет! Дело в том, что на нас, царскую семью Лукоморья, смотрит вся страна, И ЧТО ОНИ ПРО НАС ПОДУМАЮТ!.. Бить злобных возчиков должны слуги! Жульничать в карты должны шулеры! Выигрывать соревнования по стрельбе — дружинники! А НЕ ЦАРЕВНЫ!!!

Иванушка удрученно поджал губы и вздохнул.

— Хорошо, Елена. Что, по-твоему, она натворила на этот раз?

— Не мог бы ты еще раз напомнить своей жене, Ион, что уход за лошадьми после прогулки — обязанность не царицы царской крови, а конюхов? И не по-моему, Ион. Не передергивай. Если ты считаешь, что так и должно быть — иди, куда

спешил, пока я тебя не позвала.

Не говоря больше ни слова, Иван-царевич быстро повернулся и зашагал в сторону дворцовых конюшен.

Серафима была там.

В фартуке из мешковины, закатав рукава тонкой батистовой сорочки, хотя они отродясь не предназначались для закатывания, она оттирала пучком сена потные бока своего коня, и на чумазом лице ее было написано крупными буквами искреннее удовольствие — впервые за всю их утреннюю конную прогулку. А шрифтом поменьше, если присмотреться, также и то, что она прекрасно слышит приближающиеся шаги, знает, кто идет, зачем и по чьему навету, и что ее это волнует не больше, чем какого-нибудь шатт-аль-шейхского кузнеца — виды на урожай гаоляна в Вамаяси.

— Сеня, — так и не дождавшись внимания к своей смущенной и даже слегка вспотевшей персоне, обратился на ушко к супруге Иванушка.

— Можешь не продолжать, — кисло поморщившись, не оборачиваясь отозвалась она. — Если ты вернулся только для того, чтобы сообщить мне, что чистить лошадей — не царское дело, то ты прогадал. Я это и так знаю. Уже. Теперь.

— Ну, Сенечка, милая, — просительно зашептал на ушко царевне Иван. — Ну, ведь можно

найти себе какое-нибудь другое интересное занятие, кроме этого, а?...

— Например? — с показной заинтересованностью вдруг повернулась к нему Серафима и склонила выжидательно голову набок.

— Н-ну-у... — сложил губы трубочкой и захлопал ресницами царевич, застигнутый врасплох. — Н-ну, например... Например...

Прочитав на лице Серафимы: «Только попробуй, скажи «вышивание», он быстро перешел ко второму пункту своего и без того недлинного списка:

— Прогулки с девушками по саду...

— Нет, я имела в виду, интересного не для тебя, — со сладенькой улыбочкой тут же отозвалась царевна.

Иван смутился еще больше, но сделал еще одну отчаянную попытку продолжить:

— Пить... чай... с боярышнями...

— А еще?

— Наносить... визиты... боярышням...

— И что я там должна делать? — с исчезающей остекленевшей улыбочкой продолжала допытываться Серафима.

— Пить чай... с боярышнями... гулять по саду... выши...

— Хватит! — взорвалась предсказуемо, но как всегда, внезапно, царевна, сорвав с себя фартук и

бросив с сердцем его себе под ноги. — Надоело! Я живу тут, как в тюрьме! Занимаюсь с утра до ночи всякой ерундой! Туда не ходи, это нельзя, то не надевай, того не трогай, с этими не болтай! Сколько можно издеваться над человеком! Вышивать с боярышнями! Пить чай в саду! Пить чай с боярышнями! Вышивать в саду! Гулять по саду с боярышнями, с кружкой чая в одной руке и вышиванием — в другой!.. Может, ты мне еще на арфе играть учиться посоветуешь? Иванушка, хороший мой, ты сам-то от такой жизни давно ли из дому сбегал?

Иван виновато вздохнул и отвел глаза.

Предложить Серафиме учиться играть на арфе было все равно, что предложить царице Елене брать уроки кулачного боя.

Но что он мог поделывать?

Когда ты выходишь замуж за царевича, ты становишься царевной, даже если тебе этого не хочется. Уж это-то должна была понимать даже Серафима — единственная дочь царя Лесогорья Евстигнея.

— Ну, может, тебе для развлечения какую-нибудь зверюшку завести?... Хомячка там, или собачку? — неосторожно пришла в голову царевича свежая мысль.

— Волкодава? — оживилась Серафима. — Или овчарку? А лучше двух!

Иван быстро дал задний ход:

— Нет-нет! Одну! И левретку! Или болонку. Или мопса... Или вообще...

— Мопса!!! — Серафима умудрилась вложить в название этой породы всю силу своего негодования и презрения. — Мопса!!!.. Черепашку еще предложи!!! На веревочке!!!

Царевич поежился, ибо именно черепашка и не успела сорваться с его языка.

— А п-почему — «на веревочке»?

— Чтоб не убежала!!!.. Послушай, Иванушка. Почему мы не можем съездить в гости к Ярославне? Или в Вондерланд? Или просто на недельку поохотиться в лес?

— Но десять дней назад мы же выезжали на охоту! — ухватился Иван за безопасную тему.

— Выезжали! — снова уперла руки в бока и стала похожа на маленькую, разгневанную букву «Ф» Серафима. — Если не принимать во внимание, что охотились *вы*, а мне с *боярышнями* пришлось все это время просидеть в шатре на платочках, чтобы не обгореть на плящем сентябрьском солнце и не запачкать платье об траву, то конечно, выезжали!

— Да съездим мы еще обязательно, — примирительно приобнял ее за плечи царевич. — Обязательно съездим — и к бабушке твоей, и к Кевину Франку с Валькирией. Или даже слетаем —

Масдай вон у нас, наверное, совсем запылится. Но потом. Попозже. Потерпи еще немножко, хорошо? У меня сейчас неотложные дела. Надо закончить летописи... Хроники... Инвентаризацию... Поэтому погуляй еще немножко в саду с девушками и царицей, хорошо?

— Твоя хроническая инвентаризация тебе скоро сниться начнет, — скорее по инерции, чем от обиды пробурчала царица, вздохнула и, чмокнув на прощание в нос своего коня, пошла к выходу.

Иванушка поплелся за ней, чувствуя, что упал в глазах своей жены ниже погребя, но не зная, как это можно исправить, не говоря ей, что из-за беспокойства на южных границах возвращение его старших братьев — Василия и Дмитрия — всё откладывается, и что, может, придется еще снаряжать дружину им в помощь. Он опасался — и весьма справедливо — что Серафима тут же пожелает если не возглавить это войско, то записаться в него добровольцем-разведчиком.

А самое несправедливое, понимал он, будет то, что если лучшего командира, хоть и не сразу, найти еще будет можно, то лучшего разведчика — нет.

После обеда хмурую и недовольную всем на свете Серафиму все же удалось вытолкать на прогулку в сад. Компанию ей составила молодая

царица Елена — жена его старшего брата Василия, царица Ефросинья — мать Иванушки и боярыня Конева-Тыгыдычная с тремя краснощежими веселыми дочками.

Ничего личного против кого-либо из сопровождавших ее благородных дам Серафима не имела, но испорченное с утра настроение давало о себе знать, и с первых же шагов она бессознательно оторвалась от них и ушла далеко вперед, чтобы побродить среди облетающих яблонь и вишен в одиночестве, невесело размышляя о своей тяжелой судьбе.

Что бы ни говорил Иванушка, на что бы ни намекала Елена Прекрасная и что бы ни советовала старая царица, разговоры о прошлых и будущих пирах и балах, ценах на золотое шитье и количестве вытачек в реглане наводили на Серафиму тоску всех самых угрюмых оттенков зеленого.

Разговоры о преимуществах шатт-аль-шейхской стали перед дар-эс-саямской или о семи способах безопасного падения с коня на скаку вгоняли в озадаченный ступор их.

Беседовать о погоде больше одной минуты у нее еще ни разу не получалось.

И даже молчание у женщин было общим, а она чувствовала, что и молчит-то она на каком-то другом языке, или не о том, или не так...

Поэтому просто тихонько пройтись по

желтому осеннему саду, если уж настоящим царевнам это было время от времени делать просто необходимо, представлялось ей наименьшим злом во всей этой нелегкой ситуации.

А погода была действительно замечательная, если разобраться.

Впервые после затяжных дождей выглянуло на небе солнышко, и было от этого приятно и радостно, хоть даже оно и не сильно пригревало. Особенно такое осеннее охлаждение чувствовалось, когда его вдруг по ошибке закрывала какая-нибудь заблудшая тучка, которая еще не поняла, что все их тучечное стадо еще ночью снялось со ставших привычными просторов лукоморского небосвода и подалось с ветром на север.

Лицо Серафимы погладил холодный ветерок, и она вздохнула, не поднимая головы.

Ну, вот.

Опять.

Еще одна непонятливая от гурта отбилась...

Тишину послеобеденного дворца прорезал душераздирающий вопль:

— Серафима!!!..

Его тут же подхватили еще несколько отчаянных голосов, быстро приближающихся к дверям царского кабинета:

— Серафима!!!.. Серафима!!!.. Серафима!!!..

Иванушка под недоуменным взглядом отца бросил перо, кинулся к выходу, на ходу пожалел, что не умеет ругаться, и тут же чуть не был убит дверью, с грохотом распахнувшейся под напором женщин.

— Серафима!!!.. — горестно воскликнула царица и воздела руки к небу.

— Серафима!!!.. — вторила ей с ужасом Конева-Тыгыдычная.

— Да что, что опять случилось-то, а? — расстроено оборвал их Иван, готовясь выслушать историю об очередном «подвиге» своей непоседливой супруги.

— Серафима!!!..

— Только что!!!..

— Серафима!!!..

— Серафиму унес Змей-Горыныч!!!..

Иванушка замер с открытым ртом.

В голове его за право первенства в смертельной схватке сошлись «КОГО?!», «ЗАЧЕМ?!» и «Он что, с ума сошел?».

Но, к чести его будет сказано, победило все же, хоть даже не победило, а проشمыгнуло незамеченным, пока основные претенденты были заняты друг другом, банальное:

— КУДА ОН ПОЛЕТЕЛ?

— Туда! — указала пальцем в сторону окна Елена Прекрасная.

— Туда! — ткнула перстом в стену одна из боярышень.

— Туда! — заверила царица Ефросинья и показала на дверь.

Иван издал яростное рычание и, деликатно, насколько это было возможно при таких обстоятельствах, разметав по сторонам не помнящих себя от шока женщин, помчался на третий этаж, в их с Серафимой покои.

Туда, где на стене у окна висел его меч.

Туда, где на шкафу среди сухой мяты и лаванды отдыхал от летних приключений Масдай.

— Ваня!.. Ваня!.. Вернись!.. — привстав из-за стола, не обращая внимания на перевернутую чернильницу и улетевшие в окошко перья, протянул руки в направлении быстро удаляющейся спины младшенького старый царь Симеон, но это был глас вопиющего в пустыне.

Через пару минут перед тем, как со свистом растаять в голубой в пятнышку туч дали, у окна царского кабинета на мгновение завис ковер, и Иван прокричал отцу, чтобы тот управлялся пока со всем сам, а он будет назад сразу, как только догонит и самолично изрубит на куски эту мерзкую рептилию.

— Ванечка! Ваня! Иван, кому говорят!.. — царь кинулся теперь уже к окну, но опять напрасно.

Иванушки уже простыл и след.

Когда Иванушка понял, что прочесал всё небо и землю в Лукоморске и его ближайших окрестностях вдоль и поперек уже несколько раз, вместе с холодком в груди к нему пришло осознание того, что быстро и просто ему свою жену не найти. Оставалось только вернуться во дворец, чтобы снарядить поисковые отряды во все стороны света, или...

Или.

Ярославна.

Серафими́на троюродная бабка.

Баба-яга.

Она знает.

Она поможет ему разыскать Змея, как в прошлый раз она нашла ему жар-птицу — при помощи волшебной зеленой тарелки и чудо-яблока. И тогда — держись, гадюка.

Если, конечно, к тому времени Серафима от него хоть что-то оставит.

В отношении своей жены Иванушка иллюзий не питал.

— Масдай, послушай, — обратился к ковру-самолету царевич. — Ты сможешь найти, где живет Ярославна? Это где-то в лесу, не так далеко от Лукоморска.

— Не так далеко — это как далеко? — пыльным шерстяным голосом прошелестел ковер.

— Н-ну, я полагаю, в пределах одного дня пути. Недалеко от Вондерландской дороги, — предположил царевич, сам до этого побывавший в скромном жилище Ярославны лишь раз, и то при весьма запутанных обстоятельствах.

— Одного дня? — переспросил ковер и слегка пожал кистями. — Попробую. Если это каким-то образом поможет нашей Симочке...

— Поможет, — твердо пообещал Иванушка. — Давай поспешим. Что бы там ни говорили про Серафиму, а у меня сердце не на месте. И не будет, пока ее не найду.

— Не печалься, царевич Иван, — успокоил его Масдай, уверенно закладывая крутой вираж и беря курс на запад. — Найдем мы и твою старушку, и ее избушку.

И в лукоморском поднебесье воцарилось выжидательное молчание.

Иван — глазами, а Масдай — неизвестными науке чувствами час за часом напряженно вглядывались в проплывавшие под ними леса, опушки и болота — не мелькнет ли, не покажется заветный домик в глуши.

Лесную прогалину с выгоревшим вокруг лесом, огороженную редким, местами обуглившимся плетнем, закопченную хижину посредине и фигуру в черном балахоне, склонившуюся над полупустыми грядками, они

увидели почти одновременно.

— Вон там какой-то дом!.. Это ее!.. — Иванушка чуть не слетел с ковра от нетерпения. — А в огороде — хозяйка! Туда, быстрее!

— Вижу, не слепой, — пробурчал ковер и, плавно снизившись, мягко опустился на единственную зеленую еще грядку — чтобы не запачкаться.

— Извините?... — не успев подняться на ноги, уже окликнул огородницу Иван. — Вы меня...

Человек, не разгибаясь, оглянулся. Черный колпак свалился с его головы, и хулиган-ветер вмиг растрепал рассыпавшиеся по плечам русые взлохмаченные волосы и запутался в реденькой короткой бородачке.

Человеку на вид было лет двадцать-двадцать два.

— Что? Кто?...

Стукнув себе кулаком в поясницу, бородатый резко выпрямился, вполголоса охнул и энергично потер спину.

— Кто посмел потревожить покой и уединение премудрого Ага... Агафониуса? — сурово нахмутив брови, он вперился взглядом в царевича.

— Извините... — поник Иванушка. — Кажется, мы ошиблись адресом... До свиданья...

— Нет, постой! — зловеще прищурился человек. — Ты думаешь, что можешь просто так подкрадываться к великим волшебникам, заставить их врасплох...

— Вы меня с кем-то путаете, — вежливо отмахнулся Иван и повернулся, чтобы снова сесть на Масдая. — Я не подкрадывался ни к каким волшебникам. До сви...

— Стоять, я сказал! — бородатый поднял руки и скрючил пальцы. — Я, могучий маг и чародей Агафотий...

— Я думал, вы сказали «Агафониус» в первый раз?

— Да. Агафониус, — смутился человек, но тут же продолжил: — ...Приказываю тебе стоять и не двигаться с места, пока я придумаю для тебя страшное и необычное наказание...

— Иван!!!..

— Забодай меня коза — Иванчик!!!..

Оба человека и, казалось, даже ковер, подпрыгнули от неожиданности и стали оглядываться в поисках источника голосов.

Долго искать не пришлось — приветствия исходили от двух голов, насаженных на колья плетня. Две пары рук подлетели откуда не возьмись и стали хлопать Ивана по спине и плечам, то ли выбивая из его кафтана пыль, то ли показывая, что рады его осязать здесь снова.

— Иван-царевич!..

— Жив, курилка!..

— Знаем-знаем!..

— Наслышаны-наслышаны!..

— Герой!.. Ну, герой!..

— А как возмужал-то, а?! — восторженно не унимались головы.

Агафониус-Агафотий, казалось, совсем завял.

— Вы знакомы? — обиженно глядя на Ивана из-под белесых ресниц, наконец, пробурчал он.

— Да конечно знакомы, дурья твоя башка!!! — весело прокричала одна голова. — Это же муж троюродной внучки Ярославны Ванечка Лукоморский!

— Оне тут проездом были месяцев пять назад!

— Ох, Ярославна их и любит!..

— М-да?... Так бы сразу и говорили... — человек пожал узкими, затянутыми в нечто выцветшее и черное плечами, и скис окончательно.

— Так это все-таки дом Ярославны? — уточнил на всякий случай Иван.

— Не-а, он совсем не изменился! — заржала другая голова. — А чей же еще, как ты думаешь, а?

— Но другой хозяин...

— А-а!.. Этот!.. Это не хозяин, — если бы голова могла, она махнула бы рукой. — Это практикантишка нашей Ярославны — прислали в этом году на наши головы из высшей школы магии!

— Чума ходячая!

— Инвалид умственного труда!

— Цыц, молчите, окаянные! — замахнулся на головы практикант, вышедший специально для этого из своего непонятого ступора. — Не вашего ума дело!

— А чьего же еще? Другого ума, кроме как нашего с Ермилкой, тут нетуть и еще три недели не будет, — одна голова кивнула в сторону второй и показала великому магу язык.

— Не будет?!.. Как — «не будет»? — воскликнул пораженный в самое сердце Иван. — Мне же ее срочно надо! Вопрос жизни и смерти!..

— А что случилось? — забеспокоился Ермилка.

— С Серафимой беда. Ее сегодня утром Змей унес. Я должен срочно ее найти!..

— Змей-Горыныч? — встрепенулся Агафотий. — Найти? Похищенную царевну? Так это же проще простого! Это — моя специализация!.. Я по похищенным Змеями царевнам и прочим принцессам курсовую в том году писал!

— И сколько поставили? — не замедлила поинтересоваться ехидно голова.

Но практикант ее гордо проигнорировал.

— У Ярославны есть тарелка зеленая волшебная с яблоком, — подскочил тут же к нему

Иванушка. — Вы умеете ей пользоваться?

— Естественно! — со снисходительным недоумением, как рыба, у которой спросили, умеет ли она плавать, хмыкнул волшебник. — Пойдем скорее!

Воспрявший и расцветший на глазах Агафотий бережно подхватил царевича под локоток, увлек в дом, и под выкрики голов «Она тебе ее ирвентарем кроме лопаты пользоваться вообще запретила!» поспешил захлопнуть за собой дверь.

— Ну-с, — в радостном предвкушении возможности показать заезжему витязю, какие они на самом деле бывают — великие волшебники — Агафотий потер руки и обвел глазами полки. — Ага, вон и она! Даже запылиться не успела с прошлого раза — я ей постоянно пользуюсь. Раз плюнуть — любое заклинание. Какое хочешь. Я — самый выдающийся ученик нашей школы, крупнейший специалист по волшебным наукам, и все магистры в один голос твердят, что такого ученика у них никогда не было и вряд ли уже когда будет. Да когда меня провожали на практику, даже ректор прослезился, сказал, что от одной мысли, что не увидит меня целых три месяца!.. Пришлось увести его, напоить валерьянкой и уложить в постель. Гениальность, брат царевич, не спрячешь, сколько ни старайся...

Приговаривая так, великий маг всех времен и народов снял с полки зеленую тарелку, вытряхнул на ладонь из мешочка яблоко — то самое, золотое с рубиновым бочком и изумрудным листочком на черешке черного золота, благодаря которому они давным-давно, пять месяцев назад, подружились с Серафимой.

— Сейчас, сейчас... — пробормотал Агафотий, примерился, прицелился и запустил яблоко кататься по тарелке, как это когда-то делала Ярославна.

Но, не как у Ярославны, оно почему-то вылетело с орбиты и маленьким, но очень дорогим пушечным ядром улетело в шкаф с посудой, пробив деревянную дверцу и, судя по звукам, причинив немалый ущерб далее на своем пути.

— Кабуча! — прошипел сквозь зубы Агафотий и кинулся за ним.

— Не волнуйся, Иван-царевич, все будет в порядке, — успокаивающе кивнул он Иванушке, когда и во второй раз яблоко вылетело за пределы тарелки, а потом отвернулся и, бормоча что-то невнятное — заклинания, подумал Иванушка — нырнул под стол за беглецом.

— Это модель старая, такие сейчас уже лет триста не делают, — разъяснил он после третьего раза из-под лавки. — С первой попытки никогда не заводится.

— Ее уже все равно выбрасывать пора, — продолжил он магическое просвещение царевича после четвертого раза, когда тарелка от молодецкого удара дала трещину, а яблоко, срикошетив от чугунка, оказалось за печкой. — Старье.

— Дай, я попробую. Пожалуйста, — нерешительно попросил Иван перед готовящимся пятым разом, который, продолжайся ход событий именно таким образом, посудина явно бы не пережила. — Все равно же выбрасывать?...

Волшебник с непонятной для Иванушки радостью вдруг передал ему яблоко.

— Пробуй.

Теперь, когда тарелка разобьется, винить Ярослава будет не его.

Иван взвесил в руке неожиданно тяжелое и холодное яблоко, вспомнил, или даже, скорее, почувствовал всем телом, как покатила его Ярослава тогда, как ее движения были плавными, ловкими, кошачьими, и как сравнил он еще ее с крупье их единственного в Лукоморье казино... Она стояла вот так... Потом сделала плечом вот так... Повернулась вот так... Повела рукой вот так...

— Ну, я же говорил, что работать с этой глупой тарелкой — раз плюнуть! — вывел его из состояния полутранса торжествующий голос

белобрысого волшебника. — Даже такой непрофессионал, как ты, смог заставить ее работать!

Но где-то в середине этого торжественного туша тонко дзенькнула и оборвалась тоненькая нервная струнка. Или ему почудилось на фоне собственного нервно-струнного оркестра?

Иванушка вздрогнул и открыл глаза.

Яблоко размеренно каталось по краям тарелки, слегка подскакивая на трещине, как будто оно всю свою фруктовую жизнь только этим без остановки и занималось.

Довольный чародей откашлялся. Наступал его звездный час.

— Солнце садится, день степенится, ночь убывает, свет отступает... — резво начал было Агафотий, но тут же сник и остановился, как игрушка, у которой кончился завод.

— Что? Что-нибудь не так? — забеспокоился Иван. — Трещина мешает? Помехи идут?

— Н-нет... Не мешай... Кх-ммм... Так... Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь подступает, а я к окну подойду, занавесь руками разведу. На севере — Урион-звезда, на западе... На западе... На западе... Или на востоке?...

— Что случилось?...

— Ничего, не вмешивайся! — и волшебник

захлопал себя по бокам, по карманам, по рукавам и даже один раз по ноге.

— А Ярославна таких движений, вроде, не делала, — с сомнением наморщив лоб, склонил голову набок Иван. — Это часть заклинания такая? Новая, наверно?...

— Часть... Часть...

Одним отработанным движением фокусника или студиозуса Агафотий незаметно извлек из носка исписанный клочок пергамента, молниеносно расправил его и пробежал глазами теснящиеся на нем крошечные буквы, не больше гречишного зернышка.

— Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь наступает, а я к окну подойду, занавесь руками разведу, — уверенно, громким звучным голосом заново начал декламировать он, изредка все же косясь на невидимую для Ивана бумажку. — На севере — Урион-звезда, на западе — Скалион-звезда, на юге — Малахит-звезда, на востоке — Сателлит-звезда. Как Сателлит-звезда по небу катится, на землю глядит, так и я в зеленое блюдо гляжу, увижу там все, что скажу. Покажи мне, блюдечко, вставьте название интересующего объекта! Тамам!

Дно тарелки замигало, пошло волнами и горошинами, но не просветлело.

— Извините, что вы попросили ее

показать? — озадаченно заморгал Иванушка, стараясь переварить услышанное новое окончание старинного заклинания.

Агафотий стрельнул одним глазом на стол.

— Я же сказал — вста... Ой, ежики-моежики...

— Да что у вас там такое? — наконец заметил это странное прогрессирующее косоглазие Иван и, не дожидаясь ответа, протянул руку по другую сторону тарелки.

— Что это? — поднес он к глазам мелко исписанную бумажку.

— Это мое! — подскочил к нему Агафотий, но было поздно.

— Солнце садится, день степенится, свет убывает, ночь наступает, — медленно, почти по слогам стал читать вслух царевич, — а я к окну подойду, занавесь руками разведу. На севере — Урион-звезда, на западе — Скалион-звезда, на юге — Малахит-звезда, на востоке — Сателлит-звезда. Как Сателлит-звезда по небу катится, на землю глядит, так и я в зеленое блюдо гляжу, увижу там все, что скажу. Покажи мне, блюдечко... Змея-Горыныча! Тамам!

— Ох!.. — тихо сказал Агафотий, и Иванушка оторвал взгляд от шпаргалки и посмотрел в тарелку.

Дно ее стало прозрачным и отразило небо, по

которому прогулочным шагом ползли редкие упитанные тучки, задевая своими толстыми брюшками за верхушки красных скал. Но вот небо стало уменьшаться, скалы расти, нависать, закрывая весь горизонт, заполняя дно от края до края, и вдруг из черной дыры, которая только что казалась наблюдателям лишь густой тенью, высунулась зеленая, покрытая чешуей голова, за ней другая, третья... Вперив, как одна, злобные желтые взгляды в Ивана, головы дохнули пламенем.

Тарелка слетела со стола и с прощальным дребезгом разлетелась на две части.

Яблоко укатилось в подпол.

— Что... Что случилось? — кинулся к ней Иванушка, но это был смертельный случай, если он хоть чуть-чуть разбирался в посуде.

— Это... я... — прокаркал осипшим голосом побелевший Агафотий. — Рукой махнул... Нечаянно...

— Зачем?! — воззвал к нему Иван. — Ну, кто вас просил тут руками махать, а?!.. Теперь мы не узнаем, жива ли Серафима, и что с ней!.. Она должна была быть в той пещере!..

— Я хотел... сделать... Да, конечно, я хотел сделать одно заклинание, от которого стало бы видно еще лучше!..

— Спасибо, — сухо кивнул Иван, повернулся

и зашагал к двери.

— Постой! Ты куда? — волшебник, обогнув стол, одним прыжком догнал царевича и вцепился ему в рукав.

— К Красным Скалам.

— Но ты не знаешь, где это!..

— Знаю. Это, должно быть, знаменитый Змеиный Хребет в Красной горной стране. Это далеко на юго-востоке, за Сабрумайским княжеством и за Царством Костей.

— Костей... — если бы это было возможно, волшебник побледнел бы еще больше, но у него это не получилось, и он просто крепче сжал разжавшиеся было пальцы на рукаве иванова кафтана.

— Отпустите, пожалуйста, — угрюмо посмотрел на него Иван. — Мне надо торопиться. Это очень далеко. Как он за это время успел пролететь такое расстояние — уму непостижимо...

— Нет. Я с тобой, — вторая едва не трясущаяся рука схватила Иванушку за второй рукав.

— Что — со мной? — недопонял царевич, который мыслями был уже не здесь.

— Полечу на ковре-самолете. С тобой. В таком важном предприятии тебе просто необходим квалифицированный маг, — Агафотий уже не говорил, а почти выкрикивал слова. — Я могу

творить заклинания! Давать советы! Предсказывать погоду! Мыть посуду!..

Иванушка остановился и подумал, что помощь квалифицированного мага в таком деле и впрямь была бы не лишней, и волшебник принял его задержку как руководство к действию.

Схватив с лавки полупустой мешок, он вытряхнул из него картошку и бросился к полкам, на которых бережно были расставлены волшебные вещи Ярославны. Одним взмахом руки он смахнул себе в куль содержимое двух нижних полок и уже примеривался к третьей, как вдруг, случайно повернув голову, увидел, что Иван вышел из избы. Горестно махнув рукой на все остальное, он вскинул мешок на плечо, задрал до колен балахон и вприпрыжку припустил за удаляющимся в огород царевичем.

Под возмущенную ругань голов, не чувствуя тумачков двух пар рук, Агафотий, размахивая своим мешком как военным трофеем, с разбегу заскочил на взлетающего Масдая.

— Я... Не могу... Отпустить... Тебя одного... — задыхаясь от непривычного чародеям занятия физкультурой, хрипя и откашливаясь, выдохнул он. — Возьми меня... Хуже не будет... Мне терять нечего...

Они пролетели без остановки весь вечер и всю

ночь.

Утром, ближе к обеду, который обещала постигнуть участь ужина и завтрака, Агафотий взмолился.

— Иван-царевич! Между прочим, мой человеческий организм, как и твой, я уверен, требует пополнения жизненных сил!

Иван угрюмо прислушался к ощущениям внутри своего организма и кратко пожал плечами.

— Мой — нет.

— Это тебе так кажется! А на самом деле он потребует. Когда ты найдешь логовище своего Змея и придет пора с ним сразиться. Ты к тому времени не то что меч — руку поднять не сможешь!

Иванушка сознавал справедливость довода своего спутника и, несмотря на крайнее нежелание терять ни на одну драгоценную минуту больше, чем надо, на всякие пустяки вроде еды, сна и тому подобного, ему пришлось сдаться.

— Ну, хорошо. Что у вас в мешке?

— Была картошка, но я ее вытряхнул, и...

— Напрасно, — вздохнул царевич. —

Придется отвлекаться на охоту...

— Очень хо...

Но Иванушка вдруг передумал.

— Хотя, нет. Слишком много времени уйдет. А, может, вы быстренько найдете какие-нибудь... корнеплоды? Или ягоды? Можно было бы сварить

суп... или компот... А, кстати, еще грибы бывают, я вспомнил!.. Полезные. Ими, кажется, лоси лечатся. Вы же волшебник! Волшебники ведь должны знать такие вещи?

При этих словах Агафотий болезненно вздрогнул и, кажется, стал на два размера меньше.

Но Иван не обратил на него внимание.

— Кстати, надеюсь, у вас в мешке хоть котелок есть? — пришла ему в голову еще одна практическая мысль.

— Н-нет. Котелка нет...

Царевич пожал плечами.

— Ну, тогда, может, вообще не имеет смысла...

— В полукилометре отсюда к югу есть деревня, — прошелестел вдруг помалкивавший до сих пор Масдай.

— Так скорее туда! — воспрянул духом практикант.

— Нижние Хохряки? — рассеянно уточнил лукоморец.

— Они самые, — шевельнул кистями Масдай. — Но местный староста запретил мне там появляться, помнишь? Коровы пугаются.

— Значит, не судьба, — равнодушно повел плечом Иван.

— Но если хотите — можете сходить поесть туда, а я подожду.

— М-м... П-пожалуй, д-д... то есть, н-н... — заколебался царевич.

Спаси-сохрани, что-нибудь случится с ковром, пока их нет!..

Это был бы конец последней надежде быстро найти Змея.

И, может статься, конец Серафиме.

Агафотий почувствовал колебания Ивана, перед его мысленным взором предстал уплывающий в голубые дали обед.

— Я схожу и принесу еды! Ты подождешь тут, а я мигом! — умоляюще заглянул он в суровые очи Иванушки.

— Ладно, — уступил тот. — Масдай, давай снижаемся. Пока Агафотий ходит...

— Агафопус, — услужливо подкорректировал маг.

— Извините, я думал, вы говорили...

— Я передумал. «Агафопус» звучит внушительней, — выпятил вперед узкую грудь он.

— Да?...

— Наверное...

Иванушка, несколько смутившись, подумал, что новое имя его компаньона больше похоже на какую-то детскую дразнилку или считалку: «Агафопус-фокус-покус». Вряд ли волшебник рассчитывал именно на это. Но промолчал. Если ему так хочется — пусть будет Агафопусом.

— Хорошо. Пока вы ходите, я разведу костер. И прихватите в деревне котелок, пожалуйста. Похоже, мы оба собирались впопыхах.

— А-а... — хотел спросить что-то волшебник, но Иванушка уже исчез в кустах в поисках сухих веток.

— Торопись, — проворчал ковер. — Если он вернется, а тебя долго не будет, он может и один улететь. Без обеда.

Новоиспеченный Агафопус с ужасом вытаращился на Масдая.

— Правда?! Он на такое способен?!.. Уже бегу!

Через полчаса, когда Иванушка, нетерпеливо расхаживающий вокруг стреляющего хвоей костра, уже и впрямь начал подумывать, что придется продолжить путь без специалиста по волшебным наукам, кусты расступились, и на прогалинке появился запыхавшийся, но довольный маг.

— Вот, — опустил он на землю свой неразлучный мешок. — Принес. Смотри.

И он начал доставать, один за другим, котелок, ложку, еще одну ложку, полкаравая черного хлеба и два маленьких залитых сургучом горшочка.

— Вот, — закончив процесс, с гордостью повторил еще раз он, и довольно глянул на царевича, ожидая похвалы.

— И это все? — казалось, Иван был несколько разочарован.

— Ну, вообще-то, да...

— А это что? — Иванушка заинтересованно взял в руки один горшочек и стал его рассматривать со всех сторон.

— Домашние консервы.

— Ого, тут на сургуче что-то написано! — и он прочитал по слогам. — «Тушенка свиная. Сте-ри-ли-зо-ван-на-я». Что это значит?

— Что она не может больше размножаться, — с умным видом пояснил чародей.

Иванушка голодным взглядом окинул маленькую кучку продуктов на дырявом рушнике.

— Очень жаль...

И не удержался от намека-вопроса.

— У вас, наверняка, еще оставалось в мешке место...

Агафопус все понял и недовольно поморщился.

— Если бы у меня было хоть немного денег, я бы купил что-нибудь еще.

Иван смутился.

— Ой, извините... Про деньги я и не подумал... Но что же вы тогда взяли в дорогу в своем мешке, если не продукты, не посуду и не деньги?

— То, что стократ лучше продуктов, посуды и

денег, — гордо усмехнулся волшебник. — Магию!

— Так вы обменяли в деревне продукты на магию? Сделали гипноз? Представление? Исцеление?

— Что-то вроде этого, — снисходительно кивнул Агафопус. — Давай не будем терять время зря — вода остывает...

Когда через двадцать минут они пролетали над деревней, чародей украдкой оглянулся, повинувшись то ли интуиции, то ли ожиданию чего-то неизбежного.

Над дальней крайней избой пером экзотической птицы павлин медленно выросло мерцающее холодное зарево, переливающееся всеми оттенками радуги. А из окон и трубы беззвучно сыпались веселые разноцветные искры.

Агафопус поморщился и втянул голову в плечи.

Кабуча!..

Значит, то, что он выменял на еду у кривого мужика, все-таки было «Праздник каждый день» Догады, а не музыкальной шкатулкой...

С одной стороны, конечно, так ему и надо — пускай-ка с неделю поживет так, скряга.

А с другой — что же тогда в круглой желтой коробочке с красными ягодками?...

За обедом ужина, как и предполагал и

опасался Агафопус, не последовало. Иван, сгорающий от нетерпения и считающий дни и часы до финальной встречи со Змеем, решил, что лететь они будут всю ночь, а спать по очереди.

Нельзя было сказать, что чародей был безумно счастлив такому обороту, но подумал и спорить не стал.

— Если поразмыслить, — сочувственно вздохнул он, заступая на свою вахту, — то что бы ни происходило сейчас с нами, а бедной девице царевне Серафиме все равно в сто крат хуже в лапах мерзкого Змея. Надо спешить.

— Угу, — подтвердил Иван, не смыкавший глаз уже вторые сутки, обнял, как родного, мешок Агафопуса и тут же уснул.

Волшебник, обхватив костлявые колени и уткнув в них подбородок, стал вглядываться, как и договаривались, в затянутую ночью землю далеко внизу.

Ночь была черная, холодная и непрозрачная.

И сколько он не таращился — вперед, вниз, по сторонам — ничего не менялось...

Не менялось...

Не менялось...

А через полчаса он вдруг с удивлением и радостью обнаружил у себя в голове невесть откуда взявшуюся идею на предмет серьезного улучшения процесса наблюдения.

Всем известно, что у слепых обостряются все оставшиеся чувства. А это значит, что ему надо не вглядываться, а вслушиваться! Чуть-чуть прикрыв бесполезные все равно глаза. Для обострения.

И он, не откладывая хорошую мысль в долгий ящик, так и поступил.

А буквально через пять минут у него над самой головой кто-то рывкнул: «Вот они!!!», а просвистевшее над головой нечто болезненно-острое сбilo с него колпак.

В глаза ему ударил яркий дневной свет.

«Почему ночью так светло?» — хотел подивиться он таинствам природы, но ему не дали.

— Первый, прыгай! — проорал тот же самый кто-то, и прямо на не проснувшегося толком волшебника опять же откуда-то сверху свалился кто-то большой, черный и тяжелый.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!..

Внутри у Агафопуса мгновенно заохлодело все, что не успело оборваться.

— Чтутупросхотт? — подскочил заспанный Иванушка.

И по счастливой (хотя, для кого как) случайности ударил головой в грудь не успевшего обрести равновесия чужака.

Тот покачнулся, повалился назад, и тут, как будто невзначай, Масдай стал забирать резко вверх. Злосчастный неприятель взмахнул руками, уронив

свой шестопер прямо на колени Агафопусу, и далее продолжил свой путь уже даже без такой непрочной опоры под ногами, как старый ковер.

— Кто это?... — ошеломленно тарацились по сторонам глаза Ивана, пока руки делали свое дело — вытаскивали из ножен меч, из-за голенища кинжал и убирали со взмокшего разом лба нависшие на глаза спутанные со сна волосы.

— Люди... На трех черных коврах... — прошелестел, все ускоряясь и набирая высоту, Масдай. — Один следил за нами все утро, пока не подоспели остальные...

— Остальные... ЧТО?! АГАФОПУС!!!... Почему вы меня не...

— Они сзади... но догоняют нас... — прервал поток его гневного красноречия Масдай. — Я... не смогу... долго опережать их... Что... будем... делать?...

— Снижайся! Пойдем пешком! Спрячемся от них в лесу!.. Хотя у меня появилась идея получше. У нас же есть волшебник! Ну, сейчас мы им устроим! Агафопус! Понадобится ваша магия!

Царевич обернулся на примолкшего чародея.

— Агафопус!.. Агафопус? Агафопус! Что с вами?

Волшебник, серый, как свет пасмурного дня вокруг них, лишь страдальчески скривился. Весь жалкий вид его был олицетворением безысходности

и бренности бытия.

— Вы ранены? Агафопус?...

— Иван!.. Один... обходит нас... сверху!..

Масдай изо всех сил старался вырваться хоть на несколько метров вперед, но тщетно.

Черный ковер с нарисованными на брюхе черепом и тазовыми костями под ним, похожими на весьма фривольный галстук-бабочку, был уже метрах в трех от них, почти нависая над их головами. Но самым плохим известием было то, что, похоже, с него готовился еще один десант.

— Я... не могу... быстрее... — Масдай, вкладывающий последние силы в эту гонку, уже не мог говорить, а просто хрипел, задыхаясь, как загнанный конь.

Идея пришла мгновенно, и обдумывать ее времени не было.

Иванушка уперся, как мог, коленями в упавшего ниц и уже не подававшего признаков разумной жизни чародея и вскинул меч.

— МАСДАЙ!!! СТОЙ!!! — заорал он изо всех сил.

Масдай послушно замер на месте, словно налетел на незримую стену.

Черный ковер с лету проскочил мимо.

Вернее, одним ковром это было только до того момента, пока он не встретился с острием меча Иванушки. Далее по инерции несколько метров

тормозного пути проделали две приблизительно равные по ширине ковровые дорожки с приблизительно равным количеством изумленных черных воинов на них. Потом, наконец, полностью осознав, что если летающий ковер — нормальное явление природы, то летающие дорожки — это уже профанация ремесла, они, смущенно пожав кистями, остановились на лету и тут же, без отдельного предупреждения, камнем рухнули вниз вместе со своими пассажирами.

Вопли ликования Ивана и Масдая быстро были заглушены яростным ревом с оставшихся двух ковров. Которые повторять маневр своего печально закончившего раздвоением личности собрата не торопились.

«Человек десять на них будет...» — с тоской прикинул царевич. «Или двенадцать... Не справится... И чего они к нам привязались?... Может, перепутали с кем-нибудь? Может, нет смысла нервничать, а нужно всего лишь остановиться и поговорить?...»

Похоже, последнюю мысль он высказал вслух, потому что маг, еще мгновение назад скорее напоминавший бледную безмолвную тень из царства мертвых, чудесным образом ожил и чуть не закричал:

— Только не это!!!..

— Что — не это? — не понял Иван.

— Ты знаешь, кто это? — и, не дожидаясь ответа, истерично выкрикнул: — Это умруны! Гвардия Царя Костей! А ты знаешь, что они делают с пленными?... А ты знаешь, что значит «умрун»?... Я пропал!.. Мы пропали!.. Он не простит!.. Это конец!.. Это конец!..

— Масдай, сможешь резко развернуться, поднырнуть под них и приземлиться в лесу в тот момент, пока они нас не видят? — Иван слушал стенания волшебника вполуха и должным образом не впечатлился. — Какой Царь Костей? Какие умруны? Первый раз про них слышу. Что им от нас надо? Может, действительно, стоит...

— НЕТ!!! Масдай, садись!

Ковер, заложив вираж и распугав умрунов, побоявшихся повторения атаки снизу, резко пошел на снижение, скрылся с глаз преследователей среди темно-зеленых лап старых елей и косо, но мягко опустился на толстый пружинящий матрас из старой травы и хвои.

— Ну, что теперь? — буркнул Масдай. — Я между елок лавировать не умею.

— Мы скатаем и понесем тебя! — опрометчиво предложил Иван, но уже после первой попытки поднять его у него опустились руки вместе с ковром.

— Чтоб они провалились, эти... как их... умруны? Сейчас они тоже спешатся и найдут нас!

Хоть я лично и ни в чем не виноват ни перед ними, ни перед их царем, почему-то мне видется с ними мне не хочется. Есть в них что-то такое...

И тут он вспомнил, что к нему весьма кстати присоединился специалист по волшебным наукам.

— Гм-м... Агафо...пус... Не могли бы вы что-нибудь придумать — сделать нас невидимыми, или облегчить Масдая, чтобы мы могли унести его одной рукой, или... Агафопус? Агафопус!..

Чародей стоял у кривой елки, уткнувшись в ее ствол лбом, и что-то тихонько страдальчески мычал себе под нос.

— Вам плохо? — моментально позабыв о своих проблемах, озабоченно подбежал Иванушка к нему. — Вы ранены? Или укачало?

— Нет... Мне хорошо... Мне очень хорошо... Лучше бывает только покойнику... — на Иванушку глянуло осунувшееся, неестественно побелевшее лицо, и без того румянностью не страдавшее, с черными тенями под отчаянными глазами, и он сразу поверил в слова волшебника. Пожалуй, покойники действительно выглядят лучше.

— Да что с вами?

— Надо бежать, Иван. Пока они нас не нашли. Бежать.

— Но Масдай...

— Единственное, что я могу сделать для нашего уважаемого транспортного средства —

указать вон на то дупло. Спрячем его туда, забросаем ветками — и скорее бежать.

— А если там уже кто-нибудь живет?

— Судя по размерам дупла — слон? — съязвил чародей. — Не выдумывай, Иван-царевич. Надо прятать твоего Масдая — и бежать, бежать, бежать!..

Попрощавшись с верным стариком ковром, они пообещали вернуться к нему сразу же, как только это будет возможно и закидали его лапником.¹ После этого беглецы заметили место² и поспешили прочь, настороженно оглядываясь по сторонам и подпрыгивая при каждом подозрительном шорохе.

Раньше Иванушка удивился, скажи ему кто-нибудь, какое количество шорохов в лесу кажутся подозрительными человеку, который от кого-либо скрывается.

— Ведите, волшебник, — шепотом потребовал он.

— Почему я? — также шепотом обиделся на его предложение Агафопус. — Почему не ты?

¹ Хотя, не исключено, что ни один из них даже никогда и не слышал этого слова.

² «Посреди леса слева от кривой елки».

— Я здесь впервые, — объяснил Иван.

— Я тоже.

— Но вы же специалист по волшебным наукам! Вы, волшебники, должны знать...

— Вот именно! Я волшебник, а не лесник! И, кажется, кто-то еще позавчера говорил, что знает, где находится цель нашего похода!

Иван спорить не стал.

— Да, я знаю, ГДЕ она. А КАК туда добраться, знал волшебный ковер. Но теперь, когда мы остались без него, у нас есть волшебный волшебник, чтобы указывать нам дорогу.

— Хорошо, — вздохнул Агафопус. — Идем туда.

— Почему именно туда?

— Потому что туда идет вон та тропинка, царевич. И быстрее, быстрее, быстрее!!!..

Идти по самой тропинке они поостереглись, и поэтому Иван предложил идти между деревьев, не выпуская, однако, ее из виду.

На том и порешили.

— ...Но почему вы не смогли сделать для Масдая что-нибудь магическое? — после недолгого молчания снова пристал к чародею Иванушка, не в силах смириться с потерей такого надежного и такого необходимого сейчас ковра. — Почему, если на то пошло, вы не захотели прогнать тех... умрунов? Вы же маг, лучший ученик высшей

школы магии — вы это сами сказали! Так докажите это! Продемонстрируйте, так сказать! Чтоб неповадно было!

— Что ты ко мне прицепился — маг, маг! — огрызнулся шепотом Агафопус. — Я же не спрашиваю тебя, почему ты не перепрыгнул на их ковры и не изрубил всех одной левой?

— Я не левша, — нахмурился Иван. — А, во-вторых, я никогда и не говорил, что способен на такое.

— Ты хочешь сказать, что я говорил? По-твоему, я соврал?

— Нет. Я не хочу это сказать. Но это похоже на правду, — мрачно поджал губы Иванушка и выжидательно взглянул на спутника.

Вид у Агафопуса стал бы еще более жалким, если бы это было возможным. Но всему есть пределы, и поэтому он совсем не изменился, когда, глядя на распухшие от липкой грязи носки сапог, выглядывающие из-под не менее грязного края балахона, произнес:

— Я... не соврал... Я... преувеличил. Да. Я... не очень хороший... волшебник. Ну, что, доволен? Ты это хотел услышать? Что я — самозванец? Невежда? Ничтожество? Врун и хвостун?... И к тому же трус? Да?

Иванушка честно задумался над вопросами.

— Нет, — пришел к выводу он. — Я совсем

не хотел это услышать. Особенно теперь, когда мы остались без Масдая. Но вы сами это сказали. С одной стороны, в этом нет ничего особенного. С каждым может случиться. Не всем же быть сильномогучими витязями или великими чудадеями. Но, с другой стороны, от волшебника, с которым я иду на бой со Змеем, я хотел бы это услышать в десять раз меньше, чем от кого бы то ни было.

Чародей задумался над такой математикой.

— Прости. Теперь ты знаешь, какой я на самом деле.

— Да... Но зачем вы тогда...

— Можно на «ты», — нервно махнул рукой он. — И иди осторожнее! Ты топаешь, как стадо бизонов! Нас слышно на другом конце леса!

— Да я сам себя не слышу!

— Наверное, ты глухой! Они все сейчас сбегутся! Их осталось еще десять — я сосчитал!

— Если ты так боишься этих... умрунов... зачем ты тогда присоединился ко мне? Ты же знал, что рано или поздно нам придется идти через Страну Костей. А Змей? По сравнению с ним эти умруны — хомячки! Правда, я никогда Змеев не видел, — признался честный Иванушка. — Но с драконами сталкиваться приходилось.

От оживших не к месту воспоминаний его передернуло.

— Это же может быть опасно для тебя! Вернее, и для тебя тоже. Я, вообще-то, полагался на твою помощь, но теперь, когда ты... Кхм. Извини. Я не хотел быть бестактным. Что я имею в виду, так это то, что у меня есть меч, чтобы защищаться и нападать, а ты, получается, совсем беззащитный?

— Нет. Я... могу творить некоторые заклинания... Не очень сложные... Но не всегда получается то, что хочу...

«Чтобы не сказать, что всегда получается то, что не хочу», — мысленно довершил он фразу.

Некоторое время они шли молча. Потом Иван, шепотом откашлявшись, также шепотом продолжил разговор.

— Послушай, Агафопус...

Волшебник снова угрюмо махнул рукой.

— Зови меня Агафон... Из меня такой же Агафопус, как и чародей...

— Хорошо, Агафон. Но скажи мне, зачем ты тогда... нет, не присоединился ко мне, а вообще пошел в эту свою высшую школу магии? Занимался бы тем, что тебе действительно нравится, что у тебя получается? Извини, если это слишком личное...

— Да. Личное. Слишком. И никого кроме меня не касается. Но это неважно. Важно то, что практика у ведьмы Ярославны в Лукоморье была моим последним шансом. А после того, что у меня вышло с заклинанием огня, когда я пытался

развести костер, чтобы сжечь мусор в огороде... Ты, наверное, видел... Я же честно говорил ей — давайте используем спички. Но она настаивала!.. Наверное, она в меня верила... Хоть один человек в меня верил... Но даже для нее это была последняя капля.

Иванушка вспомнил головешки вместо деревьев, сажу и копоть повсюду...

— Да, — коротко отозвался он.

— Так вот... Ярославна улетела в школу для очень серьезного разговора с ректором. Меня теперь точно выгонят. А я этого допустить не могу. Ни за что. Для меня это смерти подобно.

— Почему?

— Почему ты такой любопытный, ты мне лучше скажи? — рассердился вдруг Агафон. — Что ты ко мне пристаешь — почему, отчего, зачем!.. Без тебя тошно! Шагай быстрее!

— Послушай, Агафон. Я понял. Я — твоя последняя надежда, — снизошло внезапно на Ивана озарение, как весной снежный козырек с крыши. — Если от тебя будет польза в этом походе, из школы тебя выгонять повременят. Правильно?

— Да, — вздохнул чародей. — Если мы спасем царевну — может, меня оставят. По крайней мере, еще на год. А там видно будет.

— А если нет? Если ты погибнешь?

— Так все равно будет лучше, — горько

произнес неудачливый маг и замолчал.

Вечером тропинка вывела их к большой деревне на берегу реки, а запах чего-то кислого, подгоревшего, печеного и копченого одновременно — к ее единственному трактиру.

Приземистая, слегка кособокая, но еще довольно крепкая изба стояла на другом конце деревни, на самом отшибе. Метрах в десяти от нее шумел-волновался лес под игривой рукой разыгравшегося ветра.

Иванушка решил, что злоупотреблять средствами своего спутника он не станет, и придумал продать трактирщику свой перстень. На вырученные деньги он рассчитывал купить ужин, ночлег, а утром двух коней и припасов на дорогу.

— А что, как называется ваша деревня? — спросил он хозяина, когда тот пришел к их столу в самом дальнем и темном углу (просто так, на всякий случай) с двумя тарелками тушеных овощей с мясом — фирменным и единственным блюдом заведения на сегодня.

Остальные посетители — местные, пришедшие пропустить после трудового дня по стаканчику чего-нибудь вредного для здоровья, с интересом оглянулись на них.

— Большие У хи, — отозвался тот, доставая из кармана фартука нарезанный хлеб и щедро

наваливая его горкой вокруг причудливой коряги-подсвечника.

— У кого? — не понял Иван.

— У всех.

Иванушка окинул пристальным взглядом голову толстяка.

— А у вас — нет?

— У меня сегодня мясной день. Тесть барана зарезал.

— Что? Какого барана? При чем тут баран? — заморгал Иванушка.

— Ну, мясо-то в казане — баранина, — посмотрев на царевича как на малоумного, пояснил хозяин.

— Нет, это понятно, но я не спрашивал, какое мясо — я просто поинтересовался, почему у всех в вашей деревне большие уши... То есть, уши? Это какая-то местная особенность строения анатомии?

Хозяин просветлел озадаченным лицом и весело гоготнул.

— Еще один! Как называется суп из рыбы, вьюноша?

— Уха?

— А если в каждом дворе?

— А-а!.. — засмеялся теперь и Иван. — Дошло! Извините, я подумал...

— Ничего. Не ты первый, не ты последний. Приятного аппетита, путнички.

Толстяк повернулся и хотел уйти, но Иванушка ухватил его за рукав.

— Погодите минутку, уважаемый хозяин. Дело в том, что мы, кажется, немного сбились с пути. Не подскажете, как нам попасть на дорогу, ведущую в Царство Костей?

Трактирщик насупился.

— Зачем вам туда?

— По делам, — многозначительно проронил чародей.

— Какие там у нормального человека могут быть дела? — неприязненно хмыкнул хозяин.

Практикант закусил губу, словно поняв какую-то ошибку, разумению Ивана недоступную, но отступать было некуда.

— У меня там родственник живет, — высокомерно хмыкнул маг. — В смысле, служит. По магической части. И если я ему пожелаюсь...

Толстяк покосился на них еще угрюмее и отвернулся.

— Пойдете вдоль реки, вверх по течению. Все. Кушайте, не обляпайтесь.

Иванушка удивленно захлопал глазами и повернулся к Агафону.

— Чего это он?

— Не знаю, — уткнулся в свою тарелку волшебник.

Царевич подумал, стоит ли делать вид, что

поверил, и не стал утруждать себя.

К концу трапезы взгляд Агафона немного повеселел, и он уже начинал выглядеть как человек, который вот-вот, с минуты на минуту скажет что-нибудь, кроме «угу» и «не знаю», как вдруг это все и мгновенно прошло.

Взгляд его остекленел и зафиксировался за спиной Ивана.

— Что? Что случилось, Агафон? — встревожился царевич. Он опасался, что может не получить ответа, но побелевшие губы волшебника зашевелились беззвучно, и Иван прочитал по ним «умруны».

— Что?!..

— Не поворачивайся, — прошевелились дальше губы. — Может, они нас не заме... Кабуча. Заметили.

Иван не обернулся, но все равно спиной почувствовал, как зловещие посетители тихо двинулись по направлению к ним, огибая притихшие столики.

Слишком увлеченный своими попытками выглянуть из-за плеча, не поворачивая головы, Иванушка пропустил момент, когда Агафон быстро-быстро зашевелил пальцами, сплетая и расплетая их, как подгулявший осьминог — щупальца, и только услышал скороговорку:

— Приготовься бежать. Сейчас я потушу все свечки, и мы выпрыгиваем в окно. Приготовились... Раз... Два... ТРИ!!!

Полумрак трактира озарился ослепительной вспышкой света. Раскалывающий череп грохот сотряс все вокруг, роняя на пол и мешая в кучу посуду, мебель, посетителей и непрошенных гостей...

Иван, настроенный на бегство, торопливо отодрал себя от пола, поднял голову и открыл глаза сразу, как только все стихло.

В лицо ему пахнула ночь.

— Вот... Выход... — услышал он откуда-то слева и сверху пристыженный голос Агафона.

Путь к бегству перед ними лежал открытым.

Задней стены в трактире больше не было.

Иванушка ни за что в жизни бы не стал разводить костер в ЭТОМ лесу в ЭТУ ночь, если бы не холод. Погода ненавязчиво, но вполне конкретно давала знать, что на улице, вообще-то, уже октябрь, что верхняя одежда осталась у кого во дворце, у кого в домике ведьмы и что заснув при такой температуре, очень даже можно и не проснуться.

Больших трудов стоило убедить в необходимости разжигания огня Агафона. Только через час, когда тот продрог настолько, что перестал чувствовать даже собственный нос, он

согласился. И согласился с жаром.

Не менее замерзший царевич, однако, не поддался на провокации и не позволил Агафону принять участие в этом важном деле даже в виде собирания хвороста, и тот, то ли с обидой, то ли с облегчением кинул мешок рядом с Иванушкой и побрел во тьму.

Когда студент вернулся минут через тридцать, маленький, но веселый и полностью жизнеспособный костерок потрескивал вовсю, с аппетитом уписывая веточки, меланхолично скармливаемые ему лукоморцем.³

Иванушка оглянулся на шаги. Довольно ухмыляясь и демонстрируя мокрые сапоги, маг приближался к нему с задраным подолом балахона, полным чего-то неприветливого и шевелящегося, казавшегося во мраке одним жутковатым диковинным существом.

— Что это у тебя? — покосился Иван на подозрительную ношу.

— Во! — гордо улыбнувшись, волшебник вывалил свой груз под ноги Иванушке.

³ Долгое летнее путешествие в компании царевны Серафимы не прошло даром. В числе прочих полезных вещей она научила будущего супруга — сугубо городского жителя — разжигать огонь при любых обстоятельствах.

Тот резво отскочил.

— Да кто это?!..

— Смотри, — Агафон из общей темной кучи, так и норвящей теперь расползтись, извлек одного представителя и покрутил у царевича перед носом. — Раки. Большие. Только что наловил.

— Да как же! — Иванушка недоверчиво потыкал маленькое мокрое холодное чудовище пальцем. — Я тебя серьезно спрашиваю! Думаешь, я полный ноль в зоологии? Даже я знаю, что раки живут в ракушках!

— А утки — в утятницах, — издевательски фыркнул Агафон. — Думаю, ты полный ноль в зоологии, царевич.

Лукоморец смутился и пожал плечами.

— И что мы с ними будем делать, если это действительно они, как ты утверждаешь?

— Конечно, варить! Буквально в нескольких десятках метров отсюда есть ручей — они же в ручьях живут, ты это знал? Ну, так я сейчас наберу воды, там, в моем мешке, должна быть коробочка с солью, и у нас будет знатная трапеза! Ох, и люблю я свеженьких раков! Гор-ряченьких! Самое главное.

Выудив из мешка котелок, маг в три прыжка скрылся в темноте, а Иван, решив проявить инициативу, подтащил мешок поближе к огню и пошарил в нем в поисках чего-нибудь, способного содержать соль.

Пальцы его почти тут же нащупали круглую деревянную коробочку с потертыми красными ягодами неизвестной породы на боках. «О, как с первого раза повезло!» — удивленно покачал головой Иванушка и стал откручивать крышку.

Та не поддавалась.

Недоуменно хмыкнув, Иванушка в поисках скрытой пружинки нажал на красную шишечку в центре крышки. Пружинка не нашлась, но зато крышка теперь стала прокручиваться. Хоть и по-прежнему не открывалась. Раз, два, три, четыре оборота...

Да что ты будешь делать!.. Может, пружинка на дне?

Царевич, не долго думая, перевернул коробочку. Ко дну, оказалось, была приклеена бумажка.

«Поздравляем. Заклинание «Большого Полосатого Бума» Хонка действительно активируется нажатием шишечки и четырехкратным поворотом крышки вокруг своей оси. У вас есть пятнадцать секунд, чтобы быстро покинуть опасную зону».

Иванушка не считал, сколько секунд прошло с тех пор, как он нажал шишечку на крышечке и повернул крышечку под шишечкой, но что-то истерично подсказывало ему, что даже очень быстро покинуть опасную зону он уже не успеет.

И тогда он, не думая дальше, размахнулся как можно скорее и, что было сил, запустил ставшей вдруг резко разогреваться коробочкой в кусты, в стороне от тех, из которых вот-вот должен был появиться Агафон с котелком.

И бросился на землю.

Неизвестно, как насчет полосатости, но насчет размеров сомнений не возникло.

Бум, как и обещала наклейка, был действительно большим.

Ярчайшая вспышка ослепила глаза даже сквозь веки. Земля взревела, задрожала и заскакала под царевичем, а потом встала вертикально и отшвырнула его на мягко спружинившие лапы елей и совсем не спружинившие их стволы метрах в десяти от того места, где несколько мгновений назад мерцал костерок. С неба на оглушенного, ошеломленного Иванушку посыпались комья земли, ветки, раки и куски чего-то увесистого, влажного и холодного.

Спустя мгновения все смолкло. Воцарилась недовольная тишина и темнота.

Впрочем, и той, и другой поцарствовать пришлось недолго.

— Царевич Иван, эй, ты где?... — голос чародея раздался где-то метрах в двадцати слева от лукоморца.

Там же вспыхнул крошечный голубоватый

огонек, робко помигал и вдруг, зафырчав и зашипев, искрой кинулся на ближайшее дерево, от чего то вспыхнуло призрачным бело-голубым заревом.

Агафон испуганно замахал руками и дерево, растерянно мигнув, рассыпалось в прах и погасло.

— Ты чего не откликаешься? Где костер? Что это за прятки? — голос чародея медленно, но верно приближался к нему в темноте. — И где раки?

— Какие раки? — прохрипел из-под своей кучи мусора Иванушка, пытаясь перевернуться на бок.

— Которые в ракушках живут! — разозлился вдруг Агафон. — Я их полчаса ловил! В ледяной воде, между прочим! А они в этой тьме расползутся — всю ночь ловить будешь — не поймаешь! А это был наш горячий ужин! Обрати внимание — здесь ключевое слово — «горячий»! И что это за шум тут был, кстати?

— Шум?!.. Шум?!.. — от такой вопиющей недооценки происшедшего у Иванушки временно пропал дар остальной речи. — Шум?!..

— Да, что это было? Чем ты тут занимался?

Иван решил ответить честно.

— Соль искал.

— Соль? Какую соль? При чем тут с... ЧТО????!!!.. Где ты ее искал?!

— В твоём мешке, где же еще, — кряхтя,

Иванушка встал на колени и теперь медленно принимал вертикальное положение.⁴

Молчанием, раздавшимся со стороны Агафона, можно было замораживать моря и останавливать реки.

— И в чем она была? — наконец смог выговорить волшебник.

— Вернее, в чем ее не было. В коробочке. Желтой, круглой. С ягодами.

И тут Агафон сказал загадочную для царевича фразу:

— А где же тогда музыкальная шкатулка?...

— Так, значит, ты говоришь, что на обратной стороне этой коробочки была наклеена бумажка?

— Я не говорю, — недовольный недоверием Агафона, предательской коробочкой, холодной ночью и еще парой десятков самых разнообразных вещей и явлений, раздраженно буркнул царевич. — Она там действительно была.

— Но я переворачивал эту коробку, разглядывая ее вдоль и поперек раз сто, не меньше,

⁴ Мимоходом стараясь понять, включало ли заклинание Большого Полосатого Бума еще и остаточное явление в виде звона, или это просто его напуганные уши на всякий случай вопили о пощаде.

и никаких бумажек на ней не было! Я бы хоть один раз, да заметил!

— Ты? — ядовито переспросил царевич.

— Не вижу повода для сарказма, — не очень убедительно обиделся маг.

— Так темно ведь, — не удержался Иванушка.

Пережитый Большой Полосатый Бум был еще слишком свеж в его воспоминаниях.

Они сидели под большой старой елью с широкими гостеприимными нижними лапами, плотно прижавшись друг к другу и ожидая рассвета.

Все компоненты для успешного разведения костра оказались разбросаны в радиусе трех десятков метров и лежали сейчас где-нибудь в соседнем овраге вместе с изумленными нежданностями превратностями судьбы раками и мешком волшебника. Кроме того, когда Ивану удалось передать все разнообразие основных и побочных эффектов Полосатого Бума, вся нервозность и пугливость, как кирпич на резинке, моментально вернулись к чародею. И он строго-настрого запретил Ивану не только разжигать, но даже и думать о костре.

К утру стало так холодно, что ни есть, ни спать уже не хотелось, и поэтому спутники просто грели руки дыханием и тихим шепотом перепирались о том, о сем.

Царевич чувствовал, что его новый знакомец что-то недоговаривает, и это ощущение, словно кнопка в сапоге, не давало ему покоя даже во время отдыха. Это что-то может оказаться пустяком, не стоящим внимания, или наоборот, тем краеугольным камнем, на котором с комфортом сможет расположиться вся его теория о внезапных и ничем не объяснимых нападениях таинственных людей в черном — слуг какого-то Короля Хрящей... ах, да — Царя Костей — повелителя царства настолько старого и настолько маленького, что он вообще был удивлен, что оно до сих пор существует на карте Белого Света. И не только, судя по всему, существует, но и набрасывается на честных путников без какого-либо повода с их стороны в сотнях километров от своих границ.

Нет, что-то тут неладно...

— А послушай, Агафон, — Иван решился спросить мага о враждебно настроенных неизвестных еще раз.

— Тс-с-с!!!.. Говори потише!

— Да я и так шепчу себе под нос! Чего ты боишься! Вокруг нас нет ни одной живой души!

В предрассветной тьме рядом с Иваном испуганно проявилось белое пятно с черными провалами широко распахнутых глаз и пахло ужасом. Но лукоморец рассеянно не обратил внимания на такую странную реакцию на самое

безобидное замечание.

— Как ты думаешь — почему эти... умруны... напали на нас? — продолжал он. — И не просто напали — они ведь нас выслеживали и преследовали!

— Не знаю, — ответ мага не страдал разнообразием.

И даже такой покладистый, готовый поверить первому встречному человек, как Иванушка, мог почувствовать, что и правдивостью он не отличался тоже.

Это понимал и Агафон, и поэтому, немного помолчав и поразмыслив, он добавил:

— Но каковы бы ни были их причины, ты можешь считать себя в безопасности.

— Почему это? Вид у них был не особенно дружелюбный. И намерения, насколько я мог понять, тоже.

— Они тебе не причинят вреда, — неохотно повторил Агафон.

— Ты имеешь в виду, что они охотятся за тобой? — осенило вдруг лукоморца.

Чародей помялся, но делать было нечего. Сосульку за пазухой не утаишь.

— Д-да. За мной. Но я бы не назвал это «охотиться». Они... просто... хотят пригласить меня... в гости. Да. Так. В гости. А я туда не хочу.

— Куда? — непонимающе нахмурился

Иван. — К кому?

— В эти гости. К царю Костей. К царю Костею, то есть. Но он умеет посылать приглашения...

— Зачем? Тебе угрожает опасность? Не бойся — я смогу... постараюсь защитить тебя! Он не имеет права!..

— Имеет, — вздохнул Агафон и поежился.

Иванушка мог бы поклясться, что к высоте ртутного столбика термометра этот жест не имеет ни малейшего отношения.

— Он мой дед.

— Дед?... Значит, получается, ты тоже царевич?

— Д-да нет... Не так чтобы очень... Вернее, совсем нет... Видишь ли, Иван, это старая запутанная семейная история, и я не хотел бы ее вспоминать лишний раз. Без необходимости. Ты, наверное, слышал выражение «скелет в шкафу»? Так вот, у моего деда шкаф — это, наверное, единственное место в замке, где таких скелетов НЕТ. И если я скажу тебе, что мой дед — самая главная причина того, что я оказался в этой разнесчастной школе, и того, что я боюсь, что меня выгонят оттуда раньше времени, то это будет в сто раз больше, чем я вообще собирался сказать кому-либо когда-либо.

Волшебник помолчал, ожидая, видимо,

реакции со стороны Ивана, но не дождался, и продолжил:

— Похоже, что он уже узнал о моем последнем провале. А, может, и решение деканата уже имеется... У него это хорошо получается — шпионить за мной. У него, или его помощничка. Еще неизвестно, кто хуже...

Теперь даже в темноте даже Иванушка мог чувствовать, что вид у несостоявшегося мага такой, как будто его хотели пригласить не в гости, а на собственные похороны.

— Да не переживай ты так! — извернувшись и чуть не вывихнув руку, умудрился ободряюще похлопать его по плечу царевич. — Ну, подумаешь, выгонят. Ну, что теперь? Да не убьет же он тебя за это, в конце-то концов!..

— Мне бы твою уверенность... — глухо пробормотал Агафон.

Рассвело.

Как только они убедились, что в лесу стало можно что-то рассмотреть,⁵ они, кляца зубами, притопывая и отчаянно хлопая себя, где только руки могли дотянуться, покинули свое еловое прибежище и, не сговариваясь, двинули к месту

⁵ Предварительно не поджигая его.

недавнего происшествия.

Оно нашлось довольно быстро — в нескольких метрах от их елки чернело кострище.

А к востоку и к западу (это там, где солнце встает и где оно садится, объясняла ему как-то Серафима) от него была широкая полоса искореженного и поваленного леса.

Ничего удивительного, учитывая ночные события.

Если не принимать во внимание, что к северу и к югу стояла стена нетронутых деревьев.

— Бум, — в один голос сказали они. — Полосатый.

— Поэтому я ничего и не слышал, кроме легкого шума, — хлопнул себя по лбу Агафон, то ли радуясь догадке, то ли все еще пытаюсь согреться. — Теорема Либеншпиля: при векторном воздействии магического импульса звук и свет тоже распространяются векторно.

— И раки, — усмехнулся Иван.

— И мой мешок, — напомнил маг. — Его надо найти.

— Ты думаешь, он уцелел? — засомневался Иванушка, задумчиво разглядывая масштабы разрушений.

— Мешок с магическими предметами уцелеет даже в пасти Змея-Горыныча! — гордо отрезал волшебник. — Пойдем искать!

— Ты хотел сказать — «помоги мне, пожалуйста, найти его»? — мягко уточнил царевич.

— Э... Кхм... Да. Точно так. Помоги. Пожалуйста. Ладно?

— Конечно, о чем речь! — улыбнулся тот.

Результаты поисков превзошли все ожидания.

Кроме мешка, контуженых раков и собранного прошлой ночью на ощупь набора для разжигания костров в любую погоду они нашли и умрунов.

Иванушка понял, что за влажные холодные куски падали на него после большого полосатого бума, и его стошнило.

Посчитав количество голов, они пришли к выводу, что вчера здесь полег весь десяток их преследователей.

— Я убил их... — бледный потрясенный Иван стоял над большой кучей, заваленной камнями и лапником, комкая шапку в руках. — Я убил их, даже не зная об этом... А ведь они не сделали мне ничего плохого...

— Не успели, — поправил его Агафон, вытирая о балахон руки, испачканные смолой и землей. — И убил ты не всех, а только одного.

— В смысле? — надгробная речь царевича оборвалась. — А... остальных кто?...

— А остальные — умруны. Помнишь, я тебя

спрашивал, знаешь ли ты, кто такие «умруны»?

— Да... Нет... То есть, да, помню, и нет, не знаю. А кто?

— В отряде из шестнадцати гвардейцев обычно только один сержант живой. Остальные — умруны.

— ЧТО???!... КАК???!... Откуда?!.. Ах, да...

И тут до Ивана дошло.

— И ЭТО ГВАРДИЯ ТВОЕГО ДЕДА?!..

— Да, — мрачно отозвался чародей.

— М-да-а-а... — задумчиво протянул Иванушка и почесал небритый подбородок.

И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Послушай, Агафон, зачем облегчать задачу ищейкам твоего деда? Давай изменим твою внешность до неузнаваемости, и они тебя не найдут!

Чародей поглядел на него с неприкрытым скепсисом.

— Ну, или найдут, но не сразу.

— Ну давай, — нерешительно согласился он. — Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю побрить тебя, при первой же возможности перекрасить волосы и переодеть в одежду, которая не кричала бы каждому встречному-поперечному, что ты — волшебник.

— Хмм... — потянул себя за ус Агафон. —

Помочь это вряд ли поможет, но хотя бы попробовать стоит. Наверное. Только чем ты собираешься меня брить?

— Моим мечом, чем же еще! — энергично потер руки Иван. — Пойдем к ручью, где ты вчера раков ловил — там все и организуем!

— ЧЕМ-ЧЕМ?! — чародей отшатнулся. — Да ты мне всю кожу сдерешь!

— Смотри! — улыбнулся царевич, осторожно, двумя пальцами взялся за бороду мага и легонько взмахнул мечом.

Кусок бороды остался у него в руках — Агафон даже ничего не почувствовал.

— Н-ну, если так... — все еще с сомнением покачал он головой и вздохнул. — Уговорил. Тем более, зачем мне борода теперь, когда меня выперли из школы...

— Да не отчаивайся ты! Может, еще и нет.

— Я подумал — точно да. Иначе они бы меня не искали. Костей знает, что по своей воле я в его владения ни в жисть ни ногой.

— Кто? Костей?

— Да. Его так зовут. Забавно, правда? Царство Костей. Костей — Царь Костей.

— Ухихикаться можно, — замогильным голосом подтвердит Иван и, не медля более, ухватил чародея за рукав и потащил в сторону ручья.

Немного успокоившись, свыкнувшись с мыслью о составе гвардии Царя Костей и уже начав серьезно сочувствовать бедолаге Агафону, не желающему возвращаться под крышу родового замка, Иванушка захотел было повернуть назад и отыскать Масдая. Однако оптимизм его скоро был погашен мрачным волшебником как огонек спички — ведром воды.

Он сказал, что беда (так назывались отряды умрунов из пятнадцати солдат и сержанта, что и дало начало известной поговорке) не приходит одна. В смысле, что помощник его деда уже, скорее всего, увидел в свое магическое блюдо дальнего видения, *что* случилось с их гвардейцами и доложил царю. Что прибытия подкрепления на черных коврах можно ожидать с минуты на минуту. И что если Иван хочет рано или поздно добраться до Красной горной страны и спасти свою царевну, то ему следует слушаться лукоморской мудрости «Тише едешь — дальше будешь».

Скрепя сердце, Иванушка согласился с доводами мага, но поставил условие, что в ближайшей деревне — в той самой, которую стало видно с пригорка с восточного конца их нерукотворной просеки — они купят коней, теплую одежду и двинутся к цели настолько ускоренными темпами, насколько четыре конские ноги будут им

позволять. А на обратном пути заплатят трактирщику из Больших Ух за разорение.

— ...Это ты предложил обойти тот буерак по лужайке! — обвиняюще дернул головой по направлению к волшебнику царевич.

Он с сочным чмоком, придерживая сапог обеими руками, вытащил ногу из веселенькой зеленой трясины и потянулся за следующей.

— Да, я, — вызывающе огрызнулся Агафон, тыкая палкой вокруг себя и по-прежнему не находя ни единого квадратного сантиметра твердой сухой земли. — Если бы не я, ты бы сейчас барахтался, ломая ноги, в этой гряде сухостоя и бурелома! Не знаю, чего тебе не нравится — вполне нормальное болотце! Тем более что оно скоро кончится — совсем уже немного осталось — метров сто-двести — и снова лес!

Как будто в подтверждение его слов подул ветер и закачал кривобокие чахлые березки на краю болота, устилая ряску последними листьями, еще оставшимися на их тоненьких веточках.

Иван хотел возразить что-то колкое, но передумал, и занялся вплотную перемещением своих безнадежно промокших по самое некуда ног во времени и в пространстве.

На волнах, поднимаемых каждым их шагом, на бархатистом ложе из болотной травы с

крошечными кругленькими листиками, колыхалась россыпь маленьких беленьких цветочков, ⁶ поворачивающих свои головки к небольшому островку-кочке почти у самого берега.

На которой под развесистой клюквой сидела, горестно обхватив голову руками и поджав под себя босые зеленоватые грязные ноги...

— Серафима!!!..

Иванушка, позабыв все на свете, включая совсем раскисшие и оставшиеся, наконец, умирать в трясине сапоги, бросился к неизвестно как незамеченной им ранее кочке, но не успел.

Агафон оттолкнул его плечом и первым вышел на финишную прямую.

— Держись!.. Я иду!.. Я здесь!.. — кричал он, выдирая со смачным хлюпом такие же босые ноги из болота с невероятной скоростью — как будто не было утомительного, длиной в полдня, перехода по завалам — последствиям Большого Бума — и тягучего пути по трясине.

— Ты чего? Ты куда это? — не понял царевич, но на всякий случай тоже прибавил ходу.

— Помогите!.. Помогите!.. — донесся с островка до них жалобный голосок. — Помогите!..

⁶ Откуда только они взялись, ведь вроде минуту назад их тут и следа не было?!

— Сейчас!

— Держись!

И оба спасателя, торопя и роняя в ржавую гнилую воду друг друга, понеслись как беговые черепахи, к цели.

Серафима нашлась! Серафима! Любимая! Господи, что ж тебя сюда занесло, сердешную! Не бойся, милая, я сейчас... сейчас... Сейчас...

Иванушка остановился, как вкопанный — то ли от ужаса, то ли от того, что наткнулся на мокрую холодную спину чародея.

В одно неувловимое мгновение родные милые черты девушки на острове исказились, рот растянулся в лягушачьей улыбке, глаза вылезли на лоб и зазеленели, как блюдца любимого царицыного сервиза, а вместо волос — как же он мог раньше-то не заметить! — по плечам существа рассыпались пряди болотной травы с кругленькими листочками и крохотными беленькими цветочками. Они ниспадали на землю и, не заканчиваясь на этом, тянулись дальше, дальше, пока царевич не понял, что все это время они, оказывается, бежали по волосам болотницы, полощущимся на черной тухлой воде.

Руки ее тоже вмиг стали зелеными, тонкими, длинными, вытянулись и потянулись к застывшим как два пня искателям легких путей по лужайкам.

Первым опомнился Иван. Он выхватил свой